

Я проснулась от солнца и подумала: «Ещё один день. Господи боже мой!»

Нет, конечно, это счастье – всё лето в Крыму. И подружки, рассортированные по бабушкам, разумеется, мне завидуют. Но, если честно, посёлок Заветное, покоровший маму своим названием, – это совсем не то, о чём мечтают девочки-подростки.

Я тут торчу уже два месяца и ни с кем не подружилась. Мы с мамой живём, как древние люди, по солнцу и звёздам. Едим инжир с деревьев, снаружи он фиолетовый и нежно-зелёный внутри. А вайфай у нас такой медленный, хоть плачь.

Маме-то хорошо: она писательница, она от Заветного в восторге. Сидит у распахнутого окошка, стучит по клавиатуре. А мне что делать?

Я уже загорела и выгорела так, что похожа на собственный негатив: тёмное лицо, солнечно-белые волосы, ресницы и брови. Даже короткие волоски на руках и ногах светло-золотистые – от этого меня будто окружает сияние.

Мама смеётся: «Ты как дочка титана Атланта». А что? Имя у меня подходящее – Майя. Вот только мне совсем не помешали бы сестрёнки-плеяды: одной невыносимо скучно.

Первые дни было ещё ничего. Я тогда по цвету была похожа на луковицу без кожуры. Дорвавшись до моря, оттуда вообще не вылезала. Хотя оно казалось просто ледяным: всё-таки начало июня.

Я заплывала на глубину и висела над гигантскими разноцветными медузами, а они шевелили розовыми и голубыми, синими и сиреневыми перламутровыми парашютами-спинками и словно стеклянными щупальцами, раскрываясь, как диковинные цветы.

В общем, моим единственным здешним другом стало море. Закаты. Рассветы. Бродить по обжигающему босые ноги полуденному берегу. Нырять под кипящую прозрачным бирюзовым холодом волну.

В пугающей близости от волны, но каждый раз успевая вспорхнуть выше, куда-то в невообразимую, непонятную даль самоотверженно летела бабочка. И чайки подныривали и снова взмывали с полным клювом отчаянно вырывающегося серебра.

А вместо неба надо мною колыхалось марево белоглазой туманной дымки, точно там, наверху, кто-то тёплый и сонный тихонько её надышал.

Я лежала на горячем от солнца песке и, ни о чём не думая, смотрела, как всё вокруг становится белым. Это было похоже на большую стирку, даже море отстиралось: белая вода, белый берег, белое небо.

Песок был твёрдый, волнистый, с намертво вмурованным внутри ракушечником, застывший узорными плитами, будто в громадном дворце

с сияющим небесным сводом. Идёшь, идёшь и вдруг попадаешь в небольшую мелкую лагуну – она как бассейн во дворце, где когда-то жили бо-спорские царевны.

Вода там почти горячая, прозрачная, где-то до щиколотки. Сквозь неё просвечивают пальцы и видно, как перекачиваются ракушки. Шлёпашь ногами по воде, а она мягко гладит твои пятки. Приятно!

Море белоснежно шипит, растекаясь вокруг, точно ты попала в стакан газированного молока. Оно уже до колен. До пояса. До груди. До горлышка. Можно нырять в голубую глубину – пока хватает дыхания. А вынырнув – судорожно и сладко дышать.

Однажды я заметила прижимавшегося ко дну шустрого маленького ската и плыла над ним, пока он не сбежал. Потом еле выплыла – очень устала.

А на берегу, лёжа животом на жёлтом песке, пропускала нестерпимо блестящие крупинки между пальцев – будто чьё-то живое дыхание. И внутри у меня ещё долго было так холодно, точно там ледник.

Я согревалась, и под моей кожей словно бежали щекотные колючие ручейки. Перестав дрожать, я искала ракушки и камешки в приливе, а солнце накидывало на море искрящуюся золотую сеть.

Разумеется, всё это закончилось болью и сметаной. Мама, сочувственно ойкая, зачерпывала её горстями прямо из банки. А теперь меня ничего не берёт: от солнца и соли кожа стала как обожжённая глина.

По утрам я будто выныриваю из загадочной глубины сна, как из-под тёмной волны, под которой таится что-то невыразимое и захватывающее, только никак не вспомнить что. Солнце уже скользит по подушке, а в распахнутые окна гомонят счастливые птицы, рассказывая, чему за вчерашний день научились их потешные дети.

Наспех позавтракав, я разгоняю облупленный скрипучий велик (похоже, он в Заветном старожил) и еду на раскопки.

Сначала до озера со смешным названием Яныш. Оно маленькое, очень солёное, с полным небом птиц. А между ним и морем, таким синим, что на сетчатке глаз отпечатываются непереносимо яркие вспышки, находится Акра.

Говорят, если лето жаркое – озеро пересыхает. Как-то я забрела в воду Яныша по скользкому

мягкому дну, и мои ноги от соли побелели, как у древнегреческой статуи.

Дорога по крымской степи начала лета – это чудо. Она похожа на детскую книжку, вкусно хрустящую глянцевыми страничками: карамельно-зелёная запутанная трава, акварельные брызги прозрачно-красных маков, душистые лавандовые поля, какие-то чрезвычайно милые невысокие сиреневые пушистики и тонкие ножки цветов с головками цвета засахаренных лимонных корок. Так бы и съела!

Я никогда не выдерживаю: бросаю велик и захожу в это сказочное карамельное море, чувствуя щекотку колких стебельков и мягких лепестков, усиков и крылышек трудолюбиво гудящих насекомых – здешних «рыбок».

Кажется, солнце тоже гудит. И будто это оно так сладко и душисто пахнет. Только у самого Яныша в солнечных степных запахах сверкают ослепительно-горькие крупинки соли.

Отсюда до раскопок уже рукой подать. И видно людей, исследующих загадочную Акру – древний город, основанный ещё до нашей эры, который все называют Крымской Атлантидой.

Никто не знает, почему однажды она почти вся ушла под воду. Там, под тяжёлой толщей воды, и сейчас тянется оборонительная городская стена от степных кочевников, высятся башни-бойницы, темнеет глубокий колодец.

Я здороваюсь с маминим старым товарищем – это он ещё мальчиком открыл Атлантиду Боспора, а теперь, став профессором, её изучает. Тут меня не гоняют – наоборот, угощают бутербродами с сыром и разрешают нырять в море сколько захочется.

Опускаю лицо – и точно лечу над парящими в голубой невесомости скатами и подводными скалами, похожими на горные ущелья, зачарованных великанов, прекрасные полуразрушенные дворцы и статуи, и внезапно открывающимся бирюзовым дном. Оно как заколдованные долины в этих сонных ущельях.

А время тянется бесконечно-солнечной смолой – будто до нашей эры.

Дядя Лёша Профессор кормит меня горячим обедом (первое, второе и персиковый компот привозят для археологов из посёлка) и заставляет позвонить маме, чтобы она не волновалась.

Он сегодня ждёт группу школьников из Керчи и поэтому никуда не уходит. А я и рада – расспрашиваю, как он нашёл Боспорскую Атлантиду.

96

Видно, что дяде Лёше приятно вспоминать, как он подростком выискивал в прибое монетки, которые всегда бросают люди, чтобы снова сюда вернуться, и тратил свою морскую добычу на мороженое и кино.

Однажды возле прибрежного камушка что-то вспыхнуло от солнца. Мальчик Лёша торопливо нагнулся и зажал в руке древнюю монету из золота. А там было изображение человека с лавровым венком на голове – оказалось, царя Боспора.

Школьник от волнения сунул монету в рот – это чтобы не потерять – и бегом к археологам, у которых раскоп был только на берегу, а в море они тогда не искали. А боспорского царя он сдал потом в исторический музей, за что получил порядочно денег – купил себе невероятные джинсы, о каких мечтали все его друзья-подружки.

Дядя Лёша говорит: «Скоро июль и начнутся шторма, так что подводный город станет недоступным».

Но ещё раньше зацветут морские водоросли – и море превратится в густую зелёную кашу, которая закроет Акру, как облака солнце. Надо спешить! Он вздыхает, наверняка жалея время на сегодняшних керченских школьников.

Слышно какую-то суету: похоже, они наконец-то приехали. Профессор убегает к подъехавшему автобусу, а я иду к морю.

Я вижу Акру: она так близко, что в горле щечается непонятный комочек то ли нежности, то ли грусти.

Моя тень, превратившаяся в гигантскую полупрозрачную рыбу, скользит по древнему городу, который две с половиной тысячи лет назад оказался на дне моря и больше не увидел солнца: оно отсюда как далёкий тёплый отсвет и мечта.

Я-тень, не торопясь, шагаю по улицам Акры – мимо давно опустевшей восточной гавани и домов под беспомощно-трогательными черепичными крышами. Они по макушки занесены песком – укрыты и защищены им заботливее некуда, как хрупкие ёлочные шары из старинного стекла, которые мама прячет в вате для сохранности.

И ничего не пропало: золотые и серебряные рыбки монет, наконечники стрел, деревянные низкие столики на фигурных ножках, клеймёные чёрно-лаковые амфоры Понтийской Гераклеи.

Все они были как в замке Спящей красавицы – кажется, хватит одного поцелуя, чтобы Акра ожила. И тогда в очаге вспыхнет весёлый огонь, в чашку полётится студёная вода, из-под длинной чёлки насмешливо заблестят глаза.

Античный город на дне моря словно спал. Зачарованная, я разглядывала стены домов, покинутых людьми, будто это было только вчера, и засыпанные песком остродонные гераклейские амфоры, из которых мужчины, смеясь, пили вино, держась обеими руками за крепкие лаковые ручки.

Искушение было таким сильным, что я стала погружаться всё глубже – точно меня звали, что-то шептали, о чём-то просили. Я плыла по подводным улицам брошенного города и нежно трогала его обросшие скользкими водорослями камни.

И вот мои ноги коснулись здешней земли. Я потянулась к красивой нетронутой амфоре, которую намертво держал морской песок. Я тянула и дёрнула, пока он не поддался. Вдруг амфора оказалась в моих руках. Она была неожиданно лёгкой – пустотой ракушки без моллюска – и приятно круглобокой и гладкой.

И тут я поняла, что мне уже не хватит воздуха, чтобы вынырнуть. Бросив свою чудесную добычу, я отчаянно устремилась к свету: сердце стучало прямо в ушах, в глазах потемнело.

Вдруг я почувствовала чьи-то заботливые руки, которые крепко меня держали, с силой выталкивая из воды, и рванула вверх с удвоенной скоростью.

Рассмотреть своего спасителя я сумела только на берегу – это был незнакомый мальчик с насмешливыми глазами и вьющимися мягкими колечками волосами.

В отличие от меня, чёрно-белой, как негатив, он был разноцветным. Синие глаза. Каштановые завитки. Удивительно светлое (в прожаренной солнцем степи!), лукаво улыбающееся лицо. И ослепительная солнечная капелька в мочке уха – золотая серёжка в виде львиной головы.

Странно, но я будто когда-то его уже видела и даже запомнила: тот же изгиб губ, линия носа и лба, сила и грация весёлого львёнка. Он мне смутно напомнил иллюстрацию из книжки. Вот только какой?

Я благодарно улыбнулась:

– Привет! Я Майя – как дочка титана Атланта из древнегреческих мифов. Может, читал? Он

ещё держал на плечах небесный свод. А как зовут тебя?

Мальчик ответил не сразу, словно задумался, обезоруживающе весело тряхнул мокрой каштановой гривой и солнечно заплывавшей от этого львиной серёжкой.

– Алексей. – И, неожиданно став серьёзным, пояснил: – Это значит – защитник.

И вдруг мой спаситель-защитник на меня накиннулся!

– Сумасшедшая! Ты чуть не утонула! – сердито выговаривал Алексей. – Больше никогда не погружайся одна на такую глубину! Только если я с тобой рядом!

Вообще-то он был прав, но никакой девчонке не понравится выслушивать это от мальчика, тем более незнакомого и очень симпатичного.

Заметив, что я обиделась, Алексей смущённо замолчал.

А я облегчённо затараторила:

– Ты из Керчи приехал, да? Дядя Лёша Профессор полдня вас сегодня прождал. А сколько вы тут будете?

Мальчик почему-то печально улыбнулся:

– Пока не зацветут водоросли и не начнутся шторма.

Я понимающе кивнула:

– Ну, конечно, тогда ведь нельзя исследовать подводный город.

Назад в Заветное я летела как на крыльях, сама понимая, что бесповоротно влюбилась в Алексея. Какой он умный! Сильный! Красивый! Он меня спас. Я такого мальчика никогда не встречала.

А теперь мы будем вместе гулять по Акре. Он сказал, что нырять мне можно только рядом с ним. Так что впереди столько дней счастья, пока не наступит июль! И я была намерена использовать их на полную катушку.

Замечтавшись, я слетела кувырком в траву. Велик-старожил, жалобно взвизгнув, упал сверху. О, ужас! Оказалось, что встать я не могу: левая нога нестерпимо болела.

Позвонила маме, и та испуганно примчалась. Я попала в велосипедное ДТП в пяти минутах от посёлка. Оценив масштаб катастрофы, она вернулась за машиной и повезла меня в Керчь.

Мы провели в городском травмпункте около часа. Выяснилось, что это банальное растяжение, но теперь мне нельзя нагружать ногу: гонять на велике, гулять и даже нырять в море. А можно

только сидеть дома, читать книжки и лопать инжир. В общем, тоска.

А главное – я завтра не увижу Алексея! А может, даже никогда! Ведь до июля осталась всего неделя. К тому времени, как я встану на ноги, школьная экскурсия из Керчи, возможно, уедет домой.

Это было непереносимо. Конечно, я могла позвонить дяде Лёше и попросить его предупредить моего нового друга или сказать маме, чтобы она позвонила и попросила. Но при мысли об этом я заливалась краской, как степной мак.

Весь вечер грустила, уныло рассматривая в окошко закатное море. Я знала: поднимаясь, оно шумит, шипит, клокочет, бьёт наотмашь, встаёт, как собака на задние лапы, и крутится, словно пытаюсь укусить себя за хвост.

Волны то полностью накрывают берег, превращаясь в водоворот, выносящий на песок ракушки и камешки, то тут же рассыпаются искрящейся ласковой пеной. А горизонта нет: море и небо там кажутся совершенно одинаковыми. И по нему на восток, выстраиваясь фигурами высшего пилотажа, несутся чёрные и белые птицы. Они будто торжественно прощаются с солнцем, может, и не понимая, что завтра оно снова взойдёт и снова закатится.

А когда небеса над Заветным уже полыхают и плаваются, точно алые и золотые платья танцующих муз, из гладкого моря совсем близко к берегу подплывают доверчивые дельфины, беззаботно играя и догоняя друг друга, то погружаясь под потемневшие волны, то снова выныривая к пламенеющему небу.

Я сижу в кровати с загипсованной ногой, обложившись для уюта книжками, подушками, мишками и хозяйским мурлыкой-котом с хитрой сонной физиономией. И смотрю в окно, ярко голубеющее вечерним небом.

Нет, это небо смотрит на меня огромным темнеющим глазом, снизу которого поднимаются гигантские солёные слёзы морской воды. Будто кто-то, кто меня любит, тихо плачет о чём-то прекрасном и пока мне неведомом.

Все звуки земли: шум волн, невидимых после заката, и горькие птичьи крики – сливаются в оглушительную тишину. Как эти птицы, устраивающиеся на ночь в зарослях, и заснувшие в тепле друг друга местные дворняжки, и ракушки, оставленные морем на песке, я ощущаю страшное одиночество.

98

Будто меня покинули. Словно я навсегда останусь здесь одна, как на морском дне, в печальной тишине, без надежды, защиты и спасения.

Спала я кое-как, а проснулась так рано, как никогда: на улице было ещё темно. Вдруг я услышала призывно стучащую россыпь весёлых камешков по шершавому дереву открытой оконной рамы.

Гляжу, а в окне маячит уже знакомая мне красивая мальчишеская физиономия: синие глаза, мягко выющиеся колечки каштановых волос, лукаво улыбающиеся глаза. Алексей!

Я обрадовалась:

– Как хорошо, что ты догадался меня найти! Тебе, наверно, профессор сказал, что я растянула ногу и не смогу приехать на раскоп?

Алексей, не ответив, улыбнулся:

– Давай встречать рассвет.

Я выразительно постучала по гипсу, не дающему растянутой левой ноге болеть и ходить.

Но мой защитник весело отмахнулся, потрянув золотой серёжкой-львёнком:

– Я тебя отнесу.

И подхватил меня на руки, как маленькую! Аж голова закружилась.

Я закрыла глаза, а когда открыла – мы были на берегу. Вставало солнце. Сначала оно было золотым, а от него в голубом море бежала золотая дорожка.

Неожиданно будто кто-то крутанул калейдоскоп – солнце стало красным, стоящим над оранжевой дорожкой, вскипающей сиреневыми волнами сказочного чёрно-зелёного моря. А по нежно-голубому небу парили вылепленные из почти насквозь просвечивающих облаков огромные розовые дельфины и белоснежные птицы.

Обхватив руками мокрые от летящих брызг колени, я сидела на берегу, и внутри меня будто качалось огромное, всё время меняющееся цвет и течение Чёрное море. Мне казалось, что синие волны вот-вот накроют меня с головой и я вдруг окажусь на улицах подводного древнего города Акры.

Неужели я всё это вижу и чувствую потому, что рядом Алексей? Так вот она какая, любовь.

Любовь оказалась приятной, но очень сложной: покраснев до слёз, я отвернулась от мальчика, который мне отчаянно нравился, смущаясь и боясь, что он об этом догадается. А моё сердце пело от счастья: он взял меня за руку!

Было удивительно, что все без исключения однажды переживают такое. Маме тоже хотелось плакать и одновременно смеяться, когда она впервые встретила папу.

Алексей появлялся каждый день на самом рассвете или после заката. Бросал в мою открытую раму горсть разноцветных морских камешков, похожих на покрытые не сладкой, а солёной глазурью блестящие гладкие конфетки.

Насмешливо и печально блестили ставшие самыми родными синие глаза. Танцевала в мочке уха диковинная солнечная капелька золотой серёжки с львиной головой.

Он нёс меня на руках к прибою. И я замирала, уткнувшись ему в шею, которая пахла солнцем и морем.

Я удивлялась, сколько он, оказывается, знал об Акре! Видимо, как его тёзка-профессор (когда тот был таким же подростком), мой друг мечтал стать археологом.

Мы устраивались на берегу, и Алексей рассказывал, каким был древний город до того, как ушёл под воду.

А я словно видела всё сама: сверкающую от солнца и соли восточную гавань, где всегда стоял оглушающий весёлый шум и безостановочно, как муравьи, сновали грузчики с блестящими от пота голыми спинами, матросы с белозубыми улыбками, купцы и рыбаки.

Простые глиняные пифосы, неприметно украшенные, размером с человека, наполненные тяжёлым гладким зерном, уплывали на широких мужских плечах по пахнущим смолой и морем трапам. А вниз уже плыли тюки диковинных тканей, амфоры с текучим маслом, красивые сосуды и статуи, сундуки с зеркалами и бронзовыми стригилями, редкими украшениями, безделицами, духами.

Туманный горизонт почти полностью закрывали высокие гордые корабли, которые мягко качались на синих волнах, нестерпимо сияющих сквозь золотые солнечные сети.

Из Афин, Александрии и Синопа в порт Акры прибывали суда, гружённые пеликами из обожжённой глины и затейливыми металлическими диносами, гребешками и мраморными надгробиями, хитонами и пеплосами, милыми ручными зверьками и деревянными куклами, у которых двигались руки и ноги.

А взамен дети далёкой Эллады получали солёную рыбу, кожу, пшеницу, просо, ячмень и рабов.

Моряки, отдав дань богам, праздновали удачное возвращение в прохладных полутёмных тавернах, не жалея монет и вина. Они спорили, кричали и чуть что пускали в ход ножи, а дома их ждали нетерпеливые сыновья и счастливые, укутанные тонкими покрывалами женщины, которые, жарко и нежно шепча, прижимались к своим мужчинам в уютной душистой темноте душевных спален.

Большой портовый город Акра был неописуемой красоты – прекраснее не найти во всём Боспорском царстве. Хотя на берегах Боспора Киммерийского, между жёлто-зелёным Меотийским озером и синим Понтом Аксинским, столько красивых городов – сколько глаз-звёзд у всевидящего великана-неба Аргоса Паноптеса.

Но Акра не уступает ни Нимфею, ни Киммерики, ни Мирмекию, ни самому Пантикапею. Низкий мыс, выдающийся в море, пологие берега и никогда не замерзающая гавань – лучшего места не придумаешь для земледелия и торговли.

Жители благословенной Акры круглый год вытаскивают полные сети живого серебра и вырабатывают чистое золото – редкую пшеницу, за которой из-за моря приплывают хитроумные афинские купцы. Слава Акры летит по ойкумене! Даже говорят, что горячий от солнца здешний берег облюбовала когда-то дева-рыба Фетида, чтобы родить могучего Ахилла.

Правда, этим именем называли не только героя, отличившегося в войне ахейцев против Илиона, но и важного загробного бога, хозяина морских ветров и подземного мира, распоряжающегося судьбой урожаев и моряков. В Акре его почитают сильнее Гермеса и Аполлона, в честь которых устраивают игры и пиры.

И ничто не омрачает безмятежности города-порта, а если кто-то не возвращается из-за моря или погибает в бою с пришедшими из степи кочевниками, на то воля мойры Атропос. Она перерезает нить каждой человеческой жизни, которую даёт другая дочь ночи, по имени Лахесис, а сплетает сестра мойра Клото.

В обычный день мужчины ходят по улицам, торгуются, пьют вино; женщины судачат у городского колодца, ссорятся с соседками, ждут возвращения мужей; девочки играют в куклы и тайком надевают мамыны браслеты, а мальчики дерутся палками, будто мечами. И вдруг происходит небывалое, страшное. Раздаются крики

непонимания и ужаса: земля толкается, словно в её огромном чреве ворочается готовый к рождению невиданный великан – новый Порфирион, с телом человека и хвостом дракона, собирающийся свергнуть Зевса.

Что-то невыносимо грохочет – это ревёт Порфирион – и над городом появляется столб непроницаемо-тёмного густого дыма, как великаны косматые волосы и борода, который поднимается всё выше. Красно-чёрная туча закрывает всё небо и начинает падать на землю, рассыпаясь пеплом и горячими камнями и калеча взрослых и детей.

Жители Акры с криками прячутся в домах. До заката ещё далеко, но день меняется местами с ночью. И Нюкта, мать мойр, совсем не ласковая, какой она обычно бывает на побережье Понта Аксинского. Она злится и плюётся горячей пылью. А Гея трясётся от гнева, как будто снова узнаёт, что Зевс заключил её детей в Тартар. Одежда земли рвётся, она в ярости опрокидывает людей и рушит дома.

Нечем дышать: воздух раздирает лёгкие. Бьётся обезумевшая юная мать, у которой на руках задохнулся первенец.

Никто не может бежать, чтобы спастись: по улицам несётся раскалённый поток. Все, кто попадают на его пути, заживо сгорают. Вырвавшиеся из стойла испуганные лошади превращаются в живые факелы.

Невидимое небо ревёт, оно всё страшнее и ниже. И земля, будто испугавшись, пытается от него спрятаться: она покрывается трещинами, становящимися разломами, превращающимися в пропасти. Акра проваливается в загробное царство Ахилла, на дно синего моря, где вечно томится Фетида.

Я застываю от страха, словно всё это происходит не с кем-то, а со мной. По лицу Алексея, рассказывающего о гибели древнего города, пробегают быстрые лунные тени.

Он пришёл до рассвета, ещё в темноте, когда со сладкой улыбкой сна я путешествовала по заросничной Акре, а большая круглая луна, плывущая в облаках, пятнала густую траву, похожую на шкуру диковинного зверя, и над ней на тонких ножках стояли цветы, истекающие сладкой тяжестью осязаемого-живого аромата.

Небесный свод был обтянут тёплым бархатом ночи, стремительно превращающейся в утро. Где-то совсем рядом мягко пела бегущая

100

вода, глубоко и печально дышала земля. И в свете луны, выскальзывающей из облаков быстрой белой рыбой, мальчик, в которого я позавчера влюбилась, был похож на мраморное изваяние, будто это статуя какого-нибудь древнегреческого бога или героя.

Внезапно небо, обнимающее Заветное, покачнулось и приблизилось, бледнея, будто лицо Алексея. И обесцвеченные ночью деревья, дома, трава начали проявляться, как на напечатанных фотографиях.

Но мир ещё долго оставался чёрно-белым, точно птичье крыло, до боли отчётливым, пронзительным – и нереальным, как история Акры.

Вдруг все звуки исчезли, и меня словно обожгло непереносимо горячее дыхание её залитых кипящей лавой площадей.

Я знаю: дядя Лёша Профессор считает, что Акра оказалась на дне моря из-за извержения вулкана и землетрясения. Это случилось в четвёртом веке до нашей эры, когда все упоминания о ней исчезли, словно такого города и не было никогда на свете.

Конечно, он и существовал-то всего лишь двести лет – слишком мало, чтобы тебя запомнила цивилизация, которая была центром ойкумены в течение трёх тысячелетий, распространившись по немыслимым землям сотнями портовых Акр.

И всё-таки как она погибла? Затонул ли город постепенно, а люди, собрав пожитки, спокойно разошлись по другим городам? Но тогда почему они оставили столько добра: оружие, посуду, мебель, деньги и даже драгоценности? Или это и правда была природная катастрофа из теорий профессора и рассказов Алексея?

Глядя в синие глаза, в которых словно искрилось солнечное море, я не сомневалась, что так оно и было: закрывшая небо красно-чёрная туча, кричащие люди, горящие лошади.

Но думать об этом совсем не хочется, ведь сегодня такой чудесный день! Сразу после завтрака мама отвезёт меня в Керчь – и прощай, дурацкий гипс, отравлявший человеку жизнь почти целую неделю.

Мама, конечно, будет немного паниковать, но сдастся и отпустит меня на раскоп. Мы с Алексеем – обо всём уже условлено – встретимся на берегу и станем нырять и исследовать подводный город.

Бросив велик в траву, успевшую из карамельной стать какой-то ежистой, сухой и бесцветной, я побежала здороваться с дядей Лёшей – нога была как новенькая!

Но того взяли в осаду, точно Трои-Илион, о чём-то сердито спорящие бородатые товарищи-археологи, так что мне пришлось кричать, иначе он меня бы не расслышал:

– А где ребята из Керчи?

Профессор посмотрел непонимающе, пока до него не дошло.

– А! Школьники. Они давно уехали домой. – И отвернулся к загорелым бородачам, чтобы снова вступить в непримиримую словесную битву.

А мне хотелось плакать. «Как уехали? Не может быть. Мы же договорились с Алексеем сегодня встретиться!»

В растрёпанных чувствах, повесив облупленный нос, несчастная плеяда (я) поплелась к морю, окинув тоскующим взором пустынный берег...

Правда, он оказался совсем не пустым: на встречу мне поднялся Алексей – он сидел у причоя, играя ракушками. И мы поплыли над Акрой.

Море было гладкое, будто стеклянное, и подводный город казался игрушкой внутри утерболла, заполненного голубыми и золотыми искринками.

Держась за руки, мы медленно опускались, а когда наши ноги коснулись песка, подняв сияющие вихри золотистых снежинок, я вдруг поняла, что мне больше не нужно сдерживать дыхание: я дышала!

Вот это да! От шока я даже поперхнулась. Наверняка бы утонула, как Акра, но только на дне моря, где я сейчас стояла, не было никакой воды!

И морского дна там тоже не было. Я оказалась внутри какого-то абсолютно сухопутного просторного белокаменного помещения.

Меня окружали такие яркие и чистые краски, какие бывают только на детских рисунках и картинах великих художников: пурпурные, алые, синие, белоснежные, золотые.

Я находилась в небольшой прямоугольной комнате с изображениями играющих и спящих львов на стенах. Невысокий стул-трон, скамейки по бокам, широкая низкая чаша, в которой весело размахивал оранжевыми крыльями птенец-огонь, – всё было из розоватого мрамора.

На ступеньке рядом с мраморным стулом сидела девочка-подросток, примерно моего возраста, со странной куклой на коленях – никогда такую не видела.

Заметив мой ошарашенный взгляд, девчонка приветливо улыбнулась и даже протянула мне свою чудо-куклу, деревянную и плоскую, с двигающимися на шарнирах руками и ногами и уложенными в причёску золотистыми волосами.

Но я продолжала стоять как вкопанная, невежливо разглядывая удивительную незнакомку, которая была полной копией Алексея: нежное лицо, красивые каштановые колечки, синие глаза, только не насмешливо-печальные, как у мальчика, а просто грустные.

И тут я поняла, что сам Алексей куда-то исчез!

Девочка тоже меня разглядывала с нескрываемым любопытством, она даже слегка порозовела и, встав со ступеньки, подошла ближе.

– Ты Майя, – обрадованно сообщила копия Алексея. – Ахилл мне всё-всё рассказал. Я ужасно испугалась, когда ты чуть не умерла, пытаюсь достать любимую амфору няни. Она там хранит мёд и вечно её прячет. Говорит, что я ужасная сладкоежка, но это неправда. А ты, Майя, любишь мёд? Я так очень люблю.

– А ты тут одна в куклы играешь? – наконец сумела я выдать нечто вразумительное.

Но девочка смутилась.

– Я, конечно, не ребёнок, только быть царевной вообще-то невыносимо скучно, – начала она оправдываться. – И потом, мне нельзя дружить с детьми городских жителей: царевнам это не положено. И что же прикажешь делать? Может, ты знаешь про каких-нибудь царевичей поблизости, если не считать Ахилла? Видишь ли, нам в Акре не приходится выбирать, с кем и во что играть.

Теперь голос девочки звучал вызывающе, и я, хотя ничего не поняла, примирительно, но неуверенно улыбнулась:

– Ты лучше скажи, как тебя зовут, кто такой Ахилл и куда делся Алексей?

Девчоночье лицо от важности стало непроницаемым, словно принадлежало древнегреческой статуе: она знала тайну, которая была неизвестна мне, и не хотела ею просто так, за здорово живёшь, делиться.

Только смолчать оказалось выше её сил.

– Я Фетида, а брата зовут Ахилл, – выпалила царевна Фетида. – Он Ἀλέξιος – защитник Акры и

всех нас. И тебя он защитил, когда ты чуть не погибла, слишком глубоко нырнув!

Я послушно кивнула, вспоминая, как потянулась к красивой амфоре, которую намертво держал морской песок, и вдруг поняла, что мне не хватит воздуха, чтобы вынырнуть. Тогда я рванулась наверх, но в глазах потемнело. И тут почувствовала чьи-то руки, с силой выталкивающие меня из воды.

Я сумела разглядеть своего спасителя – Ἀλέξιος! – только на берегу. Синие глаза. Каштановые завитки. Улыбающееся лицо. И ослепительная солнечная капелька в мочке уха – золотая серёжка в виде львиной головы.

Он и сам походил на весёлого львёнка с непонятно печальными глазами. А ещё на изображение древнегреческого царевича из книжки, которую мне когда-то в детстве читала мама.

Теперь понятно, почему дядя Лёша Профессор сказал, что школьники из Керчи уехали. Они и были-то тут всего ничего, а сам Алексей, то есть Ахилл, вообще ниоткуда не приезжал, ведь он царевич Акры. И поэтому он оказался в нужном месте в нужное время, когда я стала тонуть.

Но как такое могло случиться? Он же должен был умереть непредставимо давно – две с половиной тысячи лет назад.

А названная в честь морской нимфы синеглазая царевна Фетида? Неужели она призрак? Я тихонько коснулась её руки, правда, боясь, что мои пальцы пройдут сквозь пустой воздух, но та оказалась тёплой и гладкой: обычная рука обычной девчонки.

Пока я проверяла царевну Акры на паранормальность, она стояла, понимающе замерев, и вдруг тоскливо прошептала:

– Знаешь, когда мы были настоящие, здесь было весело и всё время устраивались пиры, на которые съезжались женихи из Нимфея, Киммерика и самого Пантикапея. Но отец говорил, что мне только пятнадцать, так что с замужеством некуда торопиться: впереди-то вечность.

– Да уж, – хмыкнула я поневоле, – царь Акры вряд ли догадывался, что окажется настолько прав.

Я посмотрела на свою сверстницу Фетиду другими глазами. Это ж надо, я чуть не умерла от скуки всего за три недели в чудесном Заветном, а она была заперта в прошлом два с половиной тысячелетия, навечно лишившись шанса однажды повзрослеть.

102

Но как такое вообще могло произойти? Может, я просто сплю и всё это мне снится? Я даже себя ущипнула, но это ничуть не помогло.

– Ты совсем перепугала Майю, – неожиданно раздался знакомый печально-насмешливый голос.

Пока я украдкой щипалась, из-за закрывающих дверь драпировок вышел Ахилл-Алексей и остановился у мраморной чаши с танцующим огнём.

– Смотри, она уже готова убежать. Наверное, думает, что мы с тобой призраки или пришли к ней во сне.

Быстро переглянувшись, брат и сестра рассмеялись. Ахилл заметил, что я надулась, и ласково взял меня за руку:

– Видишь, я не привидение, как и Фетида. И Акра тоже не призрак. Хочешь убедиться в этом сама?

Царевич Ахилл ведёт меня по городу, прекраснее которого нет на свете: он словно из сказок и снов.

И всё-таки он обычный, хотя очень древний. Здесь Арсиноя, няня царевича и царевны, что-то задумчиво шьёт, сидя у окна, в которое широко и весело льётся солнце.

Здесь мужчины прячутся от зноя в прохладных тавернах и на симпозиях в своих домах, где рабы черпают вино киафом с выступающей ручкой и разливают его по чашкам-мастосам, которые невозможно поставить на стол, если ты не допил. А служанки готовят обеды – похлёбки и мясо – над закопчёнными очагами.

Укутанные в красивые покрывала женщины торгуются на рынках, ссорятся с соседками, сплетничают у городского колодца. Девочки играют в куклы и хвастаются новенькими браслетами, а мальчики дерутся палками, точно это взрослые мечи.

И в сверкающей от солнца и соли восточной гавани стоит оглушающий весёлый шум и безостановочно, как муравьи, снуют грузчики с блестящими от пота голыми спинами, матросы с белозубыми улыбками, купцы и рыбаки.

Незатейливо украшенные глиняные пифосы размером с человека уплывают на широких мужских плечах по пахнущим смолой и морем трапам. А вниз уже плывут тюки тканей, амфоры, статуи, сундуки. И на золотых волнах, сияющих сквозь солнечные сети, мягко покачиваются гордые корабли.

Я иду, едва успеваю за синеглазым мальчиком, который по-прежнему ласково держит меня за руку, и с нетерпеливым любопытством смотрю вокруг: так вот ты какая, Акра! Была...

Хотя почему – была? Я вижу Акру, которая никуда не исчезла. Прекрасный город отражается в любимых глазах, которые смотрят не отрываясь на меня. Я чувствую себя по-настоящему живой и счастливой.

– А где твой папа? – Я знаю, что выгляжу сейчас смешной и смущённой.

Но Ахилл ничего не замечает: он слишком захвачен печальными воспоминаниями.

– Когда началось землетрясение, отца не было в городе, – торопливо рассказывает мне царевич. – Его и наше войско царь Боспора призвал против кочевников, которые пришли из степи, а меня отец оставил защищать Акру, сестру и жителей. Но я ничего не смог сделать! – горько добавляет мальчик.

Ахилл пытался увести всех из города, но люди от испуга попрятались в дома, а потом стало слишком поздно.

Видя, как кипящая лава заливает улицы, отрезая пути отступления, он дал няне и Фетиде выпить вина с сонным порошком, чтобы им было не больно умирать.

Женщина и девочка, обнявшись, уснули, а царевич стал молиться Ахиллу (то ли герою, то ли богу, он и сам толком не понимал). Семнадцатилетний Ахилл-мальчик просил обоих Ахиллов даровать бессмертие Акре.

Он невесело усмехнулся:

– И моё желание сбылось!

Мы, как лучшие подружки, обнимаемся с царевной Фетидой. В её глазах блестят слёзы, да и я, признаться, хлюпаю носом.

Царевич Ахилл тоже меня обнимает и просит зажмуриться. От этого бережного объятия – и предвкушения поцелуя! – сердце стучит прямо в ушах.

А когда я, так и не поцелованная, разочарованно разожмурируюсь, то всё становится как прежде: плачущие чайки, солнце и море, на дне которого виднеются руины подводного города.

Синеглазый мальчик снова исчез! Но, похоже, я к этому уже начала привыкать.

Машинально прощаюсь с дядей Лёшей и кручу педали старенького велика до самого Заветного, даже не глядя по сторонам, а дома что-

103

то неврощад отвещаю маме, ужинаю и ложусь спать.

Ворочаюсь, ворочаюсь... Засыпаю, наверно, только под утро, а на рассвете вижу волшебный сон: надо мной склоняется серьёзное мальчишеское лицо – и Алексей-Ахилл всё-таки меня целует.

Мы сидим на рассветном берегу. Встаёт солнце: оно как монета древней Акры, которую нашёл профессор дядя Лёша, когда был подростком. От этого золотого солнца бежит золотая дорожка, нежно голубеет море и розовеют небеса.

И вдруг будто крутится гигантский живой калейдоскоп: солнце становится красным, солнечная дорожка – оранжевой, а море – чёрно-зелёным с сиреневыми волнами. А по пурпурному небу величественно парят вылепленные из облаков дельфины и чайки.

Так вот она какая, любовь, превращающая обычный мир в сказочный! Жмурясь от летящих по ветру брызг, я прижимаюсь к Алексею – и мы снова целуемся.

Он смеётся, говорит, что я мокрая и солёная. Я тоже смеюсь, а внутри меня словно качается огромное, всё время меняющее цвет и течение Чёрное море.

Точно таким же оно было вчера, и две с половиной тысячи лет назад, и на рубеже восьмого и седьмого веков до нашей эры, за столетие или два до появления Акры, когда по Понту Аксинскому спешили бесчисленные ахейские корабли, а на одном из них стоял синеглазый Ахилл.

Ни в голосе, ни в глазах моего любимого не осталось ничего насмешливого – они просто печальные. Глядя на туманный горизонт, Ахилл говорит: «Скоро начнётся шторм, мне пора уходить. Завтра Акра снова скроется от мира людей – до мая».

Я молчу. Да и что я могу сказать? Что стану его ждать? Что мы навсегда будем вместе? Но я даже не знаю, смогу ли приехать в Заветное на следующее лето, ведь это зависит не от меня, и вообще, мало ли что может случиться за целый год?

А если и приеду, что это изменит? Каждый раз я буду становиться на год старше, а Ахилл навеки останется семнадцатилетним.

На прощание он кладёт в мою ладонь что-то маленькое, тёплое и щекотное. Я знаю, что это такое, и не разжимаю пальцы.

А ночью и правда начинается шторм. Море ревет так отчаянно, что кажется, оно стоит у самых окон и сейчас накроет меня с головой.

Наутро вместо неба, хотя не видно ни облачка, парит нежный мерцающий туман, от которого всё вокруг словно выцветает. Я лежу на горячем от солнца песке и, ни о чём не думая, смотрю, как мир становится белым.

Вода у берега горячая, прозрачная, где-то до щиколотки. Сквозь неё просвечивают пальцы ног, разноцветные камни, морские ежи. В пугающей близости от пенящихся высоких волн, но каждый раз успевая вспорхнуть, куда-то в непонятную даль самоотверженно летит бабочка. И чайки подныривают вниз и снова взмывают – с полным ключом отчаянно вырывающегося серебра.

Я раскрываю ладонь: там лежит щекотная солнечная капелька – золотая серёжка в виде львиной головы.

В будущем мае я должна её вернуть моему Αλέξιος.

Время как светлый песок, как тёплая галька. Кажется, что оно выскальзывает из пальцев. Но сколько песчинок на дне морей и солнечных камешков на их берегах – разве сосчитаешь?

Время превращается в тайну, и эта тайна – любовь.

А ещё надежда на новую встречу, которая обязательно случится, если твоя любовь настоящая.

107

